

Отгремели приветствия. Отзвучали юбилейные речи. И снова Сергей Владимирович Михалков закладывает чистый лист в пишущую машинку и садится за письменный стол, на котором еще лежат сотни поздравительных писем и телеграмм из всех уголков России и «ближнего зарубежья»...

— Сергей Владимирович, Ваше 80-летие широко отмечалось в нашей стране. Впрочем, могло ли быть по-другому?

— И все-таки я не ожидал, что мой нынешний юбилей будет так широко отмечен самыми разными кругами моих читателей. О многом говорят и торжественное собрание в Колонном зале Дома союзов, и атмосфера, которая царила на вечере.

— Она слишком расходилась с нынешней атмосферой в обществе?

— Да. Один из моих друзей заметил, что, придя на вечер в Колонный зал, он словно побывал в Советском Союзе. Общество же наше, к сожалению, разрознено, разбито на осколки, которые никак не могут соединиться, а лишь исходят новыми трещинами. А на вечере в зале, заполненном до отказа, все дышало единством, здесь можно было встретить людей разных политических ориентаций.

— Кто из официальных лиц поздравил Вас?

— На торжественном собрании выступил вице-президент России Александр Владимирович Руцкой, отметив мой личный вклад в литературу, искусство, общественную деятельность, и вручил мне орден Дружбы народов. Очень добрые слова высказал мне в своей телеграмме премьер-министр России Виктор Степанович Черномырдин, написавший, что «с высоты прожитых лет далеко не каждый может безбоязненно обернуться в прошлое, уверенно заглянуть в будущее». Он также отметил мои способности «оставаться самим собой и не изменять принципам». От имени Верховного Совета меня поздравил Руслан Имранович Хасбулатов. Благодарен я за поздравление и министру юстиции России Николаю Васильевичу Федорову.

— Сергей Владимирович, врученный Вам орден Дружбы народов Вы как-то выделяете среди множества своих правительственных наград?

— Этот орден — один из самых оправданных всей моей деятельностью. Работа и в Союзе писателей СССР, и на протяжении 20 лет возглавляя Союз писателей России, я уделял главное внимание развитию национальных литератур, всегда считая, что сила нашего писательского союза заключается именно в этой дружбе, в постоянном культурном взаимообогащении. Как сердечно мы проводили литературные декады, встречи, обсуждения, как заботливо издавали книги национальных литераторов на русском языке!...

ПОСЛЕЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

— И русский язык открывал им дорогу дальше — во многие страны мира. Так почему же сегодня некоторые национальные писатели так прохладно настроены по отношению к России? Быть может, раньше они просто не высказывали своих истинных чувств?

— Никогда за многие годы общения с писателями разных народов я не слышал от них худого слова о России. Почвы для ссор в нашем общем доме не было. Сегодня из-за политиканского передела мира писатели вынужденно разъехались по своим национальным квартирам, и под угрозой оказались многолетние наши творческие связи. И поэтому я — убежденный сторонник Международного Сообщества Писательских Союзов, задача которого — восстановить общее духовное пространство. И не случайно 38 писательских союзов подписали устав МСПС. О многом говорит и то, что в дни моего юбилея я получил поздравления от писателей Беларуси, Алтая, Адыгеи, Коми, Каракалпакстана, Киргизстана, Литвы, Мари Эл, Мордовии, Саха (Якутии), Таджикистана, Удмуртии, Чечни, Ханты-Мансийской области, Туркменистана, от писателей Кабарды, Грузии, Абхазии...

— А не забыли Вас поздравить главные герои поэмы «Дядя Степа»?

— Не забыли! Я получил поздравления от многотысячной армии милиционеров патрульно-постовой службы и участковых инспекторов России. У многих на памяти «Дядя Степа», стихи, которые я написал с одной целью — чтобы детей не пугали милицией.

— А кто-то утверждает, что — с другой целью?

— Некоторые современные «исследователи» моего творчества пишут вещи просто невероятные — от желания ли прославиться или просто владея в маразм?.. Одна из таких статей была недавно опубликована в «Московских новостях». Из всего арсенала моего творчества автор избрал то, к чему можно «придаться» и построить двусмысленные политические и идеологические выводы. Он даже английскую сказку «Три поросенка», изданную в моем пересказе в 37-м году, рассматривает с точки зрения... масонства!

— Кстати, многим не дает покоя и такой вопрос: как это Михалков всю свою жизнь при самых разных правительствах оставался «на коне»?

— При всех правительствах хлеб есть хлеб. Молоко есть молоко. Книги для детей есть книги для детей. Без них государство не может воспитывать подрастающее поколение. И моя служба детям не имеет никакого отношения к «службе режиму». Большинство моих книг, написанных много лет назад, живут и сегодня.

— Однако жесткая идеологизация нашей жизни не могла не коснуться и детской книги.

— Конечно, живя в своем времени, я вносил лепту в идеологическое воспитание молодого поколения. Но это лишь маленькая часть от всего, что я писал. Сегодня же кое-кто пытается меня унизить, вспоминая, что я писал о Сталине. Это пошло, глупо, недостойно. И делают это сами перевертыши. Где был их голос протеста раньше, когда исполнялся

Государственный гимн СССР? Они его пели! И жизнь не так примитивна, как представляют ее эти перевертыши. Чем же можно объяснить, что о Сталине писали и Твардовский, и Ахматова, и Пастернак? В то время Сталин олицетворял собой весь советский народ, особенно в дни войны, когда, не зная национализма, народы, сегодня истребляющие друг друга, шли плечо к плечу — до Победы.

— С каким чувством Вы вспоминаете свое участие в кампании против Пастернака, Солженицына?

— У меня были ошибки в жизни. Вместе со многими я осуждал Пастернака, Солженицына. Но не только под давлением Старой площади, но, главным образом, будучи уверен в их неправоте. В те годы обсуждали и «опасную» книгу Дудинцева «Не хлебом единым», уничтожая автора. Он, встретив меня недавно, много лет спустя, напомнил, что я был единственным, кто поддержал его в тот момент. Так что меня очень порадовали поздравительные слова нашего премьер-министра. Действительно, я могу безбоязненно оглянуться в прошлое. Я жил по совести. И никому намеренно не сделал зла. Напротив, очень многим помог. И в большом, и в малом.

— И Вам, наверное, платили тем же?

— Не всегда. К примеру, однажды пришел в Союз писателей человек и подобострастно просил меня помочь достать ему билеты на авиарейс в Штаты. В то время, как, впрочем, и сейчас, это было очень непросто. Я позвонил во многие инстанции и в конце концов — министру авиации, и мой проситель смог поехать с женой в Америку. И вот этот человек накануне моего юбилея подписал газетную заметку, в которой меня назвал циником, халтурой и сталинским царедворцем. Критик Оскоцкий. Сегодня он числит себя в самых передовых демократах. Но всем известна его дорожка в «демократию»!

— Сегодня, когда многие, в том числе и Ваши коллеги по литературе, сдали свои партийные билеты, Вы остаетесь коммунистом?

— Я никогда не был коммунистом. Я был членом партии. По правилам того времени человек должен был быть членом партии, чтобы получить возможность полно проявить себя в общественной жизни. Не член партии не мог стать редактором газеты, командиром дивизии. И я понял, что как член партии могу принести больше пользы, решая общие вопросы вместе со всеми. Но коммунистом я не был. Коммунист — это категория нравственно-идейная. Это особый образ жизни и поведения. Я не был коммунистом уже только потому, что ходил в церковь, крестил своих детей. А разве были коммунистами многие партийные функционеры да и деятели выше, которые жили на широкую ногу, по-барски, далеко не по-коммунистически? В высшем смысле этого слова.

— Вы встречали в жизни коммуниста «в высшем смысле этого слова»?

— Встречал. Во-первых — на войне. Люди вступали в партию на поле боя. Встречал я и секретарей райкомов партии, которые, не имея ничего, кроме обязанностей, ответственности и бес-

сонных ночей, отдавали делу партии все свои силы.

— Идея коммунизма сегодня широко признана безжизненной. Но с упорством революционеров 20-х годов, загонявших народ дубиной в коммунизм, нынешние «реформаторы», партийные перевертыши, гонят нас, как стадо, уже в светлое капиталистическое завтра. Очередная утопия?

— Считаю, у нас должен быть свой путь. Мы не можем слепо копировать, в частности, американский опыт. Сегодня же мы вообще не понимаем, что такое демократия.

— И что же это за чудо?

— Демократия — это, скажем, когда полицейский, получающий от государства хорошую зарплату, останавливает автомобиль, нарушивший правила движения, и безбоязненно штрафует водителя несмотря на то, что тот — член королевской семьи.

— Вы были во многих странах мира. Какая из них больше по душе?

— В Америке, например, я бы никогда не смог долго жить. Мне ближе Германия. Я знаю немецкий язык. Я люблю порядок. Германия исторически близка России. А вообще, я люблю путешествовать. Но для этого сегодня нужны большие деньги. А у меня их нет.

— Мало кто поверит...

— Да, останови любого прохожего, он скажет, что Михалков миллионер. Но у меня нет денег. На трех моих сберкнижках — 4 тысячи рублей.

— А где же остальные?

— А меня ограбило государство. Все мои сбережения превращены «реформами» в пыль. Все, что я мог продать ценного, уже продано. Чтобы жить так, как я привык — оплачивать машину с водителем, квартиру.

— Вы человек, склонный к роскоши?

— Только не к роскоши. Я считаю, что для нормальной жизни ученому, писателю, музыканту нужны кабинет, дача, автомобиль, деньги на питание... А излишества не нужны.

— Сейчас для многих писателей излишеством стал кусок хлеба с маслом и колбасой. Какая уж тут дача! Похоронить человека не на что...

— Я говорю, как должно быть в идеале.

— Да и в идеале такой уровень быта могут позволить себе писатели достаточно известные, и то не все. А сколько живет малозаметных, но необходимых русской словесности литераторов, сколько их в провинции — учителей и просветителей, светлячков культуры! Кто поможет им? Литфонд нищ. Выкарабкиваться самим по закону джунглей?

— Литфонд возродится. Помощь писателям необходима. И Союз писателей встанет на ноги. Нужно издавать коммерческие книги, а на доходы от них — современную талантливую литературу. Если бы меня не поддерживали в свое время Маршак, Чуковский, Фадеев, то и судьба моя, быть может, сложилась бы иначе. Очень важно попасть к хорошему наставнику, ощутить поддержку. И мне в жизни повезло.

Беседу вел Глеб КУЗЬМИН